

«Милая-милая Вика»: Потерянная любовь Солженицына

*«Комсомольская правда» рассказывает о самом чистом и продолжительном
платоническом увлечении писателя*

Азаева Э.

Так бывает, что в юности мы легко теряем тех, кто любит нас и кто и нам не безразличен. Кажется, что впереди будет еще большая любовь, что любви в будущем вообще – моря и океаны. И лишь потом, перебирая в памяти “людей и годы”, мы начинаем жалеть, что не оценили, не поняли, не приняли...

В «Круге первом» Александр Солженицын писал, что в 17-19 лет на его героя налетали «горячие шквалы затмений, отнимая разум». Но «он беспомощно не умел разрешать тех затмений: не знал тех слов, которые приближают, того тона, которому уступают. Еще его связывала от прошлых веков вколоченная забота о женской чести. И никакая женщина, опытней и мудрей, не положила ему мягкой руки на плечо. Нет, одна и звала его, а он тогда не понял! Только на тюремном полу перебрал и осознал, – и этот упущенный случай, целые годы упущенные, целый мир – жгли его напрокол».

Упущенным случаем была однокурсница Вика Пурель – красивая, добрая, трудолюбивая девушка, которая восхищалась «Саней» (так его звали все тогда), и была, прямо говоря, влюблена, но по законам того времени, не навязывалась, не открывалась... Однако ж он понимал, и, забегая вперед, скажу, что всю жизнь поддерживал с ней связь. Не каждый день и месяц, разумеется, но последнее письмо к ней датировано 2004-м годом... Писатель, предвидя скорую кончину, прощается в нем со своим чистым, и, пожалуй, самым долгим, платоническим увлечением...

«В 1938 году я потерял очень теплую девушку, которая меня любила по-настоящему»,
« написал как-то Солженицын.

Интервью, которое вы сейчас читаете, написано около четырех лет назад. Но публикуется только сейчас, после смерти моей собеседницы. Она просила меня поступить именно так.

***

... Я сижу в квартире Натальи Александровны Куприяновой «дочери Виктории Пурель. Мы в Торонто, куда моя собеседница переехала в середине девяностых. И мама с ней.

Мама и Солженицын учились вместе в Ростовском университете, в одной группе, на занятиях сидели рядом, - рассказывает Наталья Александровна. – Это был физико-математический факультет, и группа была, по словам мамы, очень талантливая, сильная. Они все поступили туда после школы, а мама, которая была на полтора-два года старше однокурсников, уже успела поработать, училась до этого на рабфаке, и ей было тяжелее, но она тянулась за ними, всю старалась. Солженицын выделялся тем, что был ярким во всех отношениях. Умный, эмоциональный, интересный собеседник... Да что там собеседник! Мама говорила, что «от посмотрим друг на друга, и все нам уже понятно, и слов не надо».

Студенческая жизнь была наполнена диспутами. Виктории нравилось, как Саня перед дискуссией специально разжигал аудиторию. «Например, обсуждается поэзия. И он вдруг говорит: «Ну что такое Пушкин? Это не то... Вот не хватает ему.... А Лермонтов – это да! У Лермонтова все гораздо талантливее». И незаметно подмигивает Вике... Ну и начинается шквал выступлений, возмущений, доказательств! Или вот еще анкету запустил среди

студентов с кучей вопросов. Виктория в старости уже не помнила каких, но запомнила, что сам он на вопрос о любимом цвете ответил: «Цвет белого снега», на вопрос что больше всего ценит в женщине, написал – «верность», а на вопрос чего не переносит в людях, ответил – «предательства».

Он любил музыку, играл на гитаре. У Виктории даже десятилетия хранились фотографии, где она стояла рядом с Саней, держащим гитару, но она потом отдала это фото то ли тележурналисту, то ли в музей Солженицына в Ростове, куда многое передала, не запомнила... Так что сейчас у Натальи Александровны, дочери, сохранились только фото самой мамы в молодости и письма Солженицына. А также его подарки Вике.

Они дружили втроем. Саня, мама и Эмиль Мазин. Его все звали Милей. Он всю жизнь преподавал потом в Ростове. Солженицын после возвращения в Россию встречался и с мамой, и с Милей, – рассказывает Наталья Александровна и протягивает мне письмо Эмиля, которое получила после смерти мамы.

«Виктория была необыкновенным, душевным человеком... Звание заслуженной учительницы получила по праву... Она была старше нас, и, я бы сказал, мудрее. Для Сани Солженицына она была добрым советчиком и верным товарищем. Только ей он доверял читать и комментировать свои первые студенческие произведения... При возвращении в Россию Саня поехал к Виктории излить душу...»

Знаете что самое главное в отношениях Вики Пурель и Саши Солженицына? – спрашивает Наталья Александровна. – Чистота. Между ними не было телесных отношений. В то время люди были скромнее, возвышеннее. Маме Саня очень нравился, и она пронесла это чувство через всю жизнь. Солженицын женился в 1938 году на другой девушке, Наталье Решетниковой, и мама вышла замуж за моего отца, фронтовика, интеллигентного человека, литератора Александра Красных. Но ревновать ее к Солженицыну папе было бессмысленно – у нее было платоническое чувство, на которое мужчины обычно не обижаются.

В университете Вика была тонкой, изящной, с каштановыми вьющимися волосами. Жили тогда все небогато, но у других девушек было больше платьев. Вика же обладала одним, парусиновым, которое сама все вышила. Однокурсницы потом говорили, что оно всегда было постирано, наглажено, и она в нем выглядела как куколка... «Наша французанка», звал ее в шутку Солженицын. С ударением на «а». Дело в том, что Вика Пурель действительно была наполовину француженкой. Отец, Константин Пурель, до революции работал главным инженером на заводе в Таганроге. Пришли красные, начали разграблять. Он воспротивился, его посадили и он в тюрьме умер. Таким образом его жена, мать Вики, осталась с семьей дочерью на руках. Она сама была наполовину полька, наполовину англичанка, но всех девочек крестила в православную веру. А звали их необычно – Генриетта, Фелиция, Леокадия, Элеонора, Виктория... В живых в итоге осталось только две дочери. Тогда детская смертность была высокой. Среди этих двух Вика. Вот, собственно, почему у нее было всего одно парусиновое платье... Она рано начала работать, и все умела – шить, вышивать...

Наталья Александровна выкладывает передо мной мамы работы – вышивки, салфетки-макраме, рисунки разных узоров... «Мама в старости уже увидит кусочек красивой ткани, по краям сплетет ему кружево, вышьет вензель – и дарит уже не ткань, а платочек. Видит в журнале красивый рисунок, переведет его на прозрачную бумагу, потом вышьет. Никогда не сидела сложа руки», – с гордостью вспоминает дочь.

Вике не хватало денег на учебу. Первое время университет был платным. И ее многодетная мать продала швейную машину, только бы Вика выучилась. Жизнь показала, что материнский подвиг не был зря. Вика стала не просто учителем, а заслуженным учителем России, преподавала математику.

У Сани мама тоже была простая женщина, отца не было, по характеру Солженицын был тоже открытый, искренний, – рассказывает Наталья Александровна. – Это их с Викой сблизило. Но потом он увлекся Натальей Решетниковой. Она тоже ростовчанка, из хорошей семьи. Играла на пианино. Позже Солженицын объяснил свой шаг «манией рояля», тем, что

с детства восхищался фортепианной музыкой и люди, которые могли ее воспроизводить, вызывали у него восторг и поклонение.

Возможно, когда Решетникова его оставила, он многое перебрал в памяти, и пожалел об «упущенном случае» – Вике, – говорит Наталья Александровна. – В 70-е годы к маме приходили из КГБ и спрашивали про ее отношения с Солженицыным, почему они не переписывались когда он был в лагерях. Она ответила, что с какой стати, она ведь была замужем, и он был женат. Но сотрудник КГБ сказал, что Солженицын, отвечая на вопрос куда он поедет после освобождения, указал Викторрию Пурель, а на вопрос кто она ему, написал, что невеста...

Он тогда не знал, что она уже замужем, – поясняет Наталья Александровна. – И мы до сих пор не знаем, обманул ли маму сотрудник органов, может просто провоцировал, а может быть Солженицын действительно хотел «наверстать упущенное». Он после лагерей приезжал в Таганрог, приходил к нашей бабушке, и она ему сказала, что Вика замужем. Так что они тогда так и не увиделись.

– Как мама относилась к творчеству Александра Исаевича?

– Хорошо относилась. Но как-то сказала, что очень у него мрачная проза. А он ей ответил, что ему было так тяжело, что «теперь буду писать об этом всю жизнь».

Вика и «Саня» увиделись, когда он вернулся из США в Россию. А перед этим он прислал к ей в Таганрог двух своих сыновей, Степана и Ермолая. Они посетили и Милю в Ростове и приехали к Вике уже втроем с ним.

Мама прослезилась, увидев Ермолая, потому, что он – копия молодой Александр Солженицын. Мы их поводили по чеховским местам, а они подарили маме книгу «Бодался теленок с дубом», на которой Александр Исаевич написал: «Милой Вике Пурель сердечно в память нашей юности». И еще они привезли в подарок две золотые цепочки и два золотых браслета-цепочки.

Наталья Александровна выкладывает передо мной эти украшения. Они теперь-семейная реликвия.

Потом Викторрия Константиновна и Александр Исаевич виделись уже в Москве. Было, что он приезжал в Ростов, и заехал к ней в Таганрог. Узнал, что ее семья хочет эмигрировать в Канаду. Состоялся примерно такой разговор:

Зачем ты уезжаешь? Я оттуда, а ты туда...

У меня внук. Ему вот-вот 18 исполнится, и его призовут в армию. А в Чечне война, соседям гробы приходят.

Вам там трудно будет. Там не то, что вы думаете. Канада, конечно, лучше, чем Америка, но все же... Я буду за вас молиться.

Солженицын дал Вике денег и попросил разрешения обнять и поцеловать, пояснив: «Я ведь за всю жизнь даже руки твоей не целовал».

Семье Вики действительно пришлось нелегко в Канаде. Сначала ее дочь Наталья с мужем работали суперинтендантами в большом доме, где жили одни канадцы, не эмигранты. Хорошо, у Натальи Александровны английский язык и литература – профессия. Так что с языком проблем не было, но менталитет-то разный... Время от времени попадали в стрессовые ситуации. И даже сейчас, по прошествии двадцати лет, многое в канадских нравах, законах, течениях общественной жизни, их удивляет. А ныне, в то время, когда идет война на Украине и правительство Канады заняло жесткую антироссийскую позицию, все это еще и удручает, тревожит, заставляет поистине горевать... Они нередко вспоминают предупреждение Солженицына: «Там не то, что вы думаете».

Но в Канаде выросли дети, дочка вышла замуж за канадца. Сами постарели. Тут умерла мама, Вика, в 97 лет.

«Ученики в Таганроге ее любили, – вспоминает Наталья Александровна. – Среди них одна девочка выделялась необыкновенным голосом. Ее звали Лена Образцова. Родители Лены, специалисты на большом таганрогском заводе, хотели чтобы она поступала в

радиотехнический, о музыкальном образовании и слышать не хотели. И мама вызвала их в школу и сказала, что Лена должна быть певицей, настаивала, чтобы девочка поехала поступать в консерваторию. Позже уже великая певица Елена Образцова говорила, что Виктория Константиновна Пурель – ее любимая учительница. Образцова подарила учительнице книгу о себе, и подписала так: «Всегда с благодарностью вспоминаю Вас и поступки Ваши».

Мама была неунывающим человеком, который никогда не жаловался, не ныл. Но получив прощальное письмо Солженицына в 2004 году, она заплакала.

А вот это письмо.

«Дорогая Вика! Прости, что эти годы не писал тебе в Канаду. Письма ко мне и разные требования слетаются тысячами, а силы и время справляться с ними только убывают. Слышал от Мили о несчастной аварии с твоими молодыми – но, слава Богу, что живы остались. Тебе бы на чужбине, да мне – остаться одинокой...»

А это письмо пишу как прощальное. Здоровье мое совсем неважное, год назад уже совсем прощался с жизнью и даже предполагал умереть, а вот неожиданно перетянул и в 2004-й (за прошлый год и почерк мой совсем отказывал, а вот вернулся и могу писать)».

Письмо писателя семье Пурель в Канаду.

«Милая-милая Вика! Никогда тебя не забывал, всегда помню. Вспоминаю весну 1938 года и 30 апреля, еще раньше – твои рассказанные мне «сюжеты» – сколько я потом досадовал, скорбел, что был с тобой так недогадлив и неловок, не понимал счастья, которое ты мне распахивала. Это – самая тяжелая ошибка моей юности. Всегда в каком-то полете – я пролетел, не доглядев – и ошибся жестоко.

А в остальном почти все задачи, какие я ставил себе в жизни, я выполнил. Даже что казалось невероятным, за такую долгую жизнь (а я опасался, что умру в 27 лет, как мой отец), я написал все, что хотел. (Еще не все опубликовано, но жена и подруга моя Аля опубликует еще за годы после моей смерти. Да и из трех сыновей литературный наследник найдется).

Другое дело, что Смута, наступившая в России с 90-х годов, не оставила людям времени и внимания прочесть мои книги, особенно «Красное Колесо», ведь я там обо всем предупреждал. Но если сохранится Россия и русский язык – то еще прочтут. А вот повлиять в благоприятную сторону на ход российский событий я не смог. (Какие-нибудь мои книги доходили до вас?).

Обнимаю тебя, подруга моей юности, крепко и памятно. Здоровья тебе! Мы с Алей шлем добрый пожелания всей вашей семье. Адрес мой: 103009, Москва, ул.Тверская 12. кв.169».